

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-551-556

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

КОКОРХОЕВА Дугурхан Султангиреевна,

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,

e-mail: mail@law-books.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ИНГУШСКОГО НАРОДА В УСЛОВИЯХ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1957-1992 гг.)

Аннотация. Обращение практически к любому термину требует с одной стороны понимания причин и исторического контекста его возникновения, а с другой – его релевантности в современных условиях. Национальная государственность, концепция которой начала активно формироваться более двух с половиной веков назад, является одним из терминов, не только сохранивших релевантность, но и приобретших новое, более глубокое и отвечающее духу времени содержание. Выбор темы обусловлен интересом к тому, как в случае принадлежности территории, культуры, политических институтов и суверенитета конкретной нации или этносу складывается национальная государственность. С точки зрения автора, показательным может быть рассмотрение в ретроспективе становления национальной государственности на примере отдельно взятого народа – ингушей. Автор останавливает свое внимание на ключевых для данной темы понятиях, начиная с базового термина «государственность» и его отличия от термина «государство». В статье изложены основные вехи пути ингушского народа, прошедшего через тотальную депортацию и отказ в восстановлении в полном объеме территориальной целостности республики к реализации концепции национальной государственности в новых условиях, сложившихся после распада Советского Союза. В заключительной части статьи автор характеризует восстановление национальной государственности ингушского народа как значимый факт не только в его национальной истории, но и в истории современной России.

Ключевые слова: национальная принадлежность; гражданская общность; национальная государственность; тотальная депортация; ингушское национальное движение.

KOKORHOEVA Dugurhan Sultangireevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Ingush State University

NATIONAL STATEHOOD OF THE INGUSH PEOPLE DURING THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION (1957-1992)

Annotation. Approaching virtually any term requires, on the one hand, an understanding of the reasons and historical context for its origin, and, on the other, its relevance in contemporary conditions. National statehood, a concept which development began more than two and a half centuries ago, is one of those terms that has not only retained its relevance but has also acquired a new, deeper meaning that reflects the spirit of the times. The choice of topic is determined by an interest in how national statehood develops when a specific nation or ethnic group possesses territory, culture, political institutions, and sovereignty. The author believes that a retrospective analysis of the development of national statehood using the example of the Ingush is indicative. The author focuses on key concepts, beginning with the basic term «statehood» and its distinction from the term «state». This article outlines the key milestones in the Ingush people's journey, which included total deportation and the denial of full restoration of the republic's territorial integrity, to the realization of their concept of national statehood in the new conditions that emerged after the collapse of the Soviet Union. In the concluding section, the author characterizes the restoration of the Ingush people's national statehood as a significant event not only in their national history but also in the history of modern Russia.

◇ **Key words:** *national identity; civil community; national statehood; total deportation; Ingush national movement.*

В английском языке существует формулировка «common knowledge», в наиболее близком переводе на русский означающая «общеизвестный факт», т.е. знания, которые человек словно бы имел всегда. Одним из них является знание того, что только в человеке биологические и социальные компоненты слиты воедино. В.И. Вернадский характеризовал человека как «целостное единство биологического, психического и социального уровней, которые формируются из двух – природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [1, с. 405]. Очевидно, что при тесной связи названных компонентов биологические свойства человек обретает с момента рождения, тогда как социальные – только в процессе воспитания, развития и проживания в обществе. И несмотря на то, что человек от рождения принадлежит к определенному этносу, а в более широком смысле к нации, осознание этой принадлежности, отождествления себя с этой группой людей формируется постепенно и осознанно. Именно эта принадлежность, ощущение нации, представляющей собой связное целое, находящего свое выражение в уникальных традициях, культуре и языке, лежит в основе феномена национальной идентичности. Более того, сама национальная идентичность играет фундаментальную роль в становлении и развитии такой формы политической организации общества, которая определяется как национальная государственность. Учитывая то, что феномен национальной государственности носит многокомпонентный характер, включая в себя суверенитет, культурное единство и единую правовую систему, и далеко не всякий народ обретает ее бесконфликтно, актуальным становится рассмотрение в историческом аспекте вопросов становления национальной государственности. В связи с этим данная статья имеет своей целью рассмотрение того, как складывалась национальная государственность ингушского народа в последние десятилетия существования Советского Союза.

Поскольку четкая категоризация способствует пониманию сущности объекта, остановимся в первую очередь на основных определениях. Родовым понятием в данном случае выступает термин «государственность», который раскрывается доктором политических наук Е.Г. Пономаревой как «особый признак, состояние развития определенного общественного образования, сумевшего создать собственное государство, национальную правовую систему или восстановить эти институты, утраченные в

силу различных причин» [2]. Важным является и уточнение, вынесенное за скобки определения, что в качестве общественного образования не обязательно выступает отдельная нация, это может быть и группа народностей, и целый народ. Именно эта ремарка позволяет говорить, например, о российской государственности.

Следующим ключевым моментом становится понимание недопустимости отождествления понятий «государство» и «государственность». Это связано с тем, что государственность представляет собой всеобъемлющее свойство, характеризующее состояние общества в целом в определенный исторический период его развития. Фактически государственность можно описать как квинтэссенцию государства, его глубинную сущность, его качество, тогда как государство – лишь отдельная форма и проявление государственности.

Что касается национальной государственности, то в словаре лингвистических терминов она определяется в качестве структуры самоуправления, существующей на определенной территории с учетом ее национального состава [3]. Это может быть автономный округ, автономная республика. Тем не менее, данное понятие не следует воспринимать настолько узко, поскольку национальная государственность в качестве формы политической организации общества может быть создана не только на основе отдельного этноса, но и на основе гражданской общности, которая обладает тремя основными характеристиками, а именно:

суверенитетом – содержательно это означает, что народ (или общность) обладают самостоятельностью в установлении собственного политического статуса и управлении своей территорией;

культурным единством – подразумевается, что общность имеет общий язык, систему ценностей и традиции как фундамент гражданской идентичности;

правовой базой – законы, регулирующие деятельность налоговой, судебной и политической системы, и гражданские институты представляют собой целостную систему, которая распространяется на всех членов общности.

Однако, следует понимать, что существование описанных характеристик не означает автоматического наличия у этноса (народа, общности) национальной государственности. Поясним на хрестоматийном примере: еврейский народ на протяжении столетий боролся за право иметь собственное

государство и, фактически не обладая какой бы то ни было общинной жизнью, обрел национальную государственность лишь в 1948 г.

Пример не единичный в силу значительного числа малых народов, не имеющих собственной государственности, но, несомненно, обладающих национальной идентичностью. Почему данный факт заслуживает упоминания? Как отмечает М.М. Омонова, важность национальной идентичности заключается в том, что «она обеспечивает социальную сплоченность, формирует базовые ценности и выступает главным гарантом суверенитета государства» [4, с. 217]. Исторические факты являются подтверждением данной позиции, поскольку именно наличие национальной идентичности, умение народа сохранить свое культурное наследие, осознание собственных стремлений способствовало не только сохранению общества от распада, но и обретению национальной государственности некоторыми этносами. Одним из ярких примеров пути восстановления национальной государственности представляет собой история ингушского народа в период существования Советского Союза – через репрессии, депортацию и ликвидацию национальной государственности к ее восстановлению уже на этапе становления современной России. Рассмотрим основные вехи этого пути.

В первую очередь представим краткое изложение событий, предшествовавших периоду восстановления национальной государственности ингушского народа, начавшемуся в 1957 г. К сожалению, история ингушей в период фактически тотальных репрессий 30-х годов прошлого века не уникальна. Более того, ситуация была пугающе типичной, когда в 1930-е гг. в государственном масштабе велась фактически «охота на ведьм» или эпоха «большого террора», затронувшая конкретно значительную часть чеченских и ингушских партийных работников и представителей национальной интеллигенции. Заметим, что в данном случае некорректно разделять названные народы, поскольку речь идет о ситуации, сложившейся в Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республике (образована в 1934 г. как автономная область и получила статус автономной республики в 1935 г.) в составе РСФСР. Согласно архивным документам того периода, в течение чуть больше полутора лет (февраль 1937 – ноябрь 1938 гг.) коллегией Верховного суда СССР было осуждено более 38 тыс. руководящих работников партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов Чечено-Ингушской АССР, и заметное количество представителей национальной интеллигенции [5, с. 133].

В дальнейшем процесс только набирал обороты, причем его апофеозом стала тотальная депортация ингушей – операция «Чечевица», начавшаяся 23 февраля 1944 г. и затронувшая, по разным данным от 500 до 650 тысяч человек, из которых примерно четверть погибла в процессе выселения и первые годы после него [6]. Здесь также требуется пояснение, что речь о чеченцах (национальное самоназвание «нохчи») и ингушах (национальное самосознание «галгаи») – близкородственных народах. Отмечается, что эти народы, хотя и обладают общим происхождением, сходным языком и культурой и даже общим самоназванием («вайнах» – наши люди), в силу исторических обстоятельств сложились как отдельные народы, тем не менее, осознающие свое единство [7]. В процессе депортации людей в типичных в своей бесчеловечности условиях выселили в основном в Казахстан и Киргизию, в меньших количествах в Узбекистан и Таджикистан. Обвинение, приведшее к депортации, было абсурдным по своей сути: «массовое сотрудничество с оккупантами» [8]. Надуманность этого обвинения несложно проиллюстрировать тем фактом, что Чечено-Ингушская АССР не была оккупирована фашистами, исключение составляла небольшая часть Малгобекского района, но и это не добавляло объективности причине выселения, поскольку оккупация длилась менее трех месяцев (октябрь 1942 г. – 3 января 1943 г.) [9]. Учитывая то, что депортация началась в феврале 1944 г., т.е. более года спустя после освобождения Малгобекского района, приходим к выводу, что этот факт был лишь поводом для депортации, но никак не реальной причиной.

Следующим закономерным шагом стала ликвидация национальной государственности путем упразднения Чечено-Ингушской АССР, передачи части ее районов Северной Осетии, Дагестану и Грузии и создания Грозненской области.

Такое положение вещей сохранялось до 9 января 1957 г., когда был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», согласно которому депортированные народы получили возможность вернуться на историческую родину. Проблема заключается в том, что для ингушского народа ситуация изменилась слабо, поскольку названный Указ не обеспечил установление национальной государственности на уровне создания ингушской автономии, а потому следующие без малого четыре десятилетия представляют собой историю дальнейшей борьбы за территории и суверенитет в рамках союзного государства. Рассмотрим основные вехи и события периода с

1957 по 1992 гг. более подробно.

Как было указано ранее, Указ обеспечил возвращение чеченцев и ингушей на историческую родину и восстановление Чечено-Ингушской АССР, однако в измененных границах. Так, несмотря на то, что Наурский и Шелковский районы были включены в состав автономной республики, г. Владикавказ, обширный Пригородный район (на его территории до депортации проживала практически половина населения автономии) и часть Малгобекского района, переданные в 1944 г. Северо-Осетинской АССР, не были возвращены. Н.Д. Коздоев в своей монографии, посвященной ингушскому национальному движению, отмечает, что в отличие от большинства депортированных народов, которые вновь в полном объеме обрели свои права после XX съезда коммунистической партии (14-25 февраля 1956 г.), осудившего культ личности и идеологическое наследие И.В. Сталина, ингушский народ по-прежнему остался без собственной национальной государственности и не получил территории, утраченные в ходе депортации [10, с. 4].

Закономерным следствием такой несправедливости стала активизация в 1956-1973 гг. ингушского национального движения, ставившего своей целью восстановление ингушской государственности, возвращение отобранных территорий. Закономерным стало и то, что данная деятельность была сопряжена со значительными трудностями, в том числе и в силу отсутствия единой точки зрения среди членов Центрального комитета партии СССР на то, в границах какой территории следует восстановить Чечено-Ингушскую АССР, в то время как сами «представители чеченцев и ингушей просили учесть интересы их народа и образовать автономную республику на прежнем месте, в ранее существовавших границах». Более того, они не просили освободить их исконные территории, а готовы были вернуться и продолжить мирно сосуществовать со сформировавшимся в период депортации на этих территориях населением [10, с. 16]. Тем не менее, последовал отказ в возвращении районов, оказавшихся под юрисдикцией Северо-Осетинской АССР, и фактически стало происходить «перекраивание» карты, хотя сами чеченцы и ингуши массово возвращались на свое прежнее местожительство.

Главным образом ситуация усугубилась именно для ингушей. В подтверждение этого Н.Д. Коздоев приводит справку, подготовленную для комиссии (вневедомственные Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.И. Брежнев и Н.И. Беляев) с предложениями о том, в каких границах должна быть восстановлена

Чечено-Ингушская АССР. Согласно этой справке в конечном итоге Осетия получила Пригородный район, Чечня – три района, тогда как Ингушетия осталась ущемленной в своих территориальных правах [10, с. 18]. На протяжении следующих полутора десятилетий ситуация не менялась, причем не помогали многочисленные обращения как рядовых граждан, так и представителей политической элиты в высшие эшелоны власти. Абсурдность отказа в возвращении исконных территорий Ингушетии подчеркивает Н.Д. Коздоев: «Пригородный район является древним очагом формирования ингушской нации, ...на этой территории находится селение Ангушт, от названия которого произошел русский этноним «ингуши» [10, с. 23]. Что касается заявлений руководства Северной Осетии о том, что в Пригородном районе будет создан «очаг дружбы народов», то на практике они вылились в запрет на прописку ингушей на данной территории, который действовал до 1992 г.

Ситуацию не изменило и заступничество русского писателя А.Е. Костерина, воевавшего в революционные годы на Северном Кавказе: передача исконных ингушских земель Северо-Осетинской АССР продолжалась, а Ингушетия фактически представляла собой «сельскохозяйственный придаток» [10, с. 46]. Именно так выглядело положение дел к началу следующего этапа борьбы ингушского народа за свою автономию, за возможность создания национальной государственности.

В 1972 г. после тщетных попыток решить проблему через руководство Чечено-Ингушской АССР 27 коммунистов-ингушей обратились с письмом «О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР» непосредственно в Центральный комитет партии. Реакция последовала, но отнюдь не та, которую можно было ожидать и считать логичной: авторы письма фактически были подвергнуты гонениям и травле. Далее пять представителей ингушской интеллигенции (А. Гадзиев, С. Плиев, И. Базоркин, А. Куштов, Д. Картоев) обратились в Москву с письмом «О судьбе ингушского народа», в котором на 80-ти страницах требовали возвращения Пригородного района и улучшения социально-экономического положения народа. Письмо не возымело никакого действия, что привело к личной поездке указанных людей в Москву и получению от помощника секретаря ЦК КПСС Е. Разумова ответа о том, что «требования ингушей расходятся с линией партии» [11].

Ожидаемо, что после такого ответа от руководства страны последовала новая волна травли «ингушских националистов». Это привело к народным протестам, которые, заметим, имели форму мирных митингов, что однако не

обезопасило их от жестокого подавления: 19 января 1973 г. митинг в Грозном был разогнан силами солдат, вооруженных стрелковым оружием и дубинками, и пожарных команд, которые поливали людей водой. Разгон митинга послужил началом массовых увольнений с работы и отчислений из учебных заведений участников протеста. Пригородный район остался в составе Северной Осетии, положение ингушей не улучшилось, осетины ополчились против ингушей, а в 1979 г. начались погромы. В 1981 г. во Владикавказе (тогда Орджоникидзе) начались массовые волнения, толчок которым дало убийство осетина и его семьи ингушом [11]. Власти страны «открещивались» от колоссального всплеска межнациональной розни и избиения ингушей, списывая это на «недостатки идейно политического и интернационального воспитания трудящихся» и демонстрируя тем самым и бессилие, и некомпетентность, и нежелание решать сложившуюся ситуацию [11]. А ситуация лишь раскачивалась. Так, согласно статистическим данным в 1984-1986 гг. между ингушами и осетинами только зарегистрировано было более ста конфликтов, что является свидетельством безрезультатности тех мер, которые пытались (скорее делало вид, что пытается) принять руководство СССР.

В действительности ситуация изменилась лишь в эпоху перестройки, причем уже ближе к моменту распада Советского Союза. Отражением принципиальных изменений стали следующие меры:

14 ноября 1989 г. – принята Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»;

26 апреля 1991 г. – Верховным Советом СССР принят закон «О реабилитации репрессированных народов».

Именно эти документы обеспечили юридическую базу восстановления национальной государственности ингушей. Важно заметить, что, несмотря на происходивший в 1988-1991 гг. «парад суверенитетов» ингушским народом было принято решение о том, чтобы остаться в составе Российской Федерации на правах автономной ингушской республики. Наконец, 4 июня 1992 г. национальная государственность ингушей была воссоздана в полном объеме на основании закона Российской Федерации «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации».

Подводя итог рассмотрению вопросов становления национальной государственности ингушского народа, следует отметить, что его логическое завершение пришлось на сложный

для всей Российской Федерации период. В то же время сам факт создания или, правильнее сказать, восстановления ингушской национальной государственности стал значимым событием в истории региона, обеспечившим его дальнейшее поступательное социальное, экономическое и политическое развитие.

Список литературы:

- [1] Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 2013. 526 с.
- [2] Пономарева Е.Г. Государственность // Государство. Эволюция государственности [Электронный ресурс]. URL: <http://polit-discourse.ru/articles/860> (дата обращения 25.06.2026).
- [3] Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. 486 с.
- [4] Омонова М.М. Национальная идентичность – как фактор сохранения культурных традиций в условиях многонационального общества // XXI век: вопросы науки и образования. 2024. № 2. С. 216-222.
- [5] Дениева М.Б., Дикиева П.Э. «Большой террор» в Чечено-Ингушетии во второй половине 30-х гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 132-135.
- [6] Шабельников Д. Депортация чеченцев и ингушей глазами свидетелей // Arzamas.academy [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/mag/934-deportation> (дата обращения 26.06.2026).
- [7] Анчабадзе Г.З. Вайнахи (чеченцы и ингуши). Тбилиси, 2001. 92 с.
- [8] Депортация чеченцев // УПД по вопросам переселения. URL: <https://pereselenie.e-dag.ru/activities/deportaciya-cecencev-12216> (дата обращения 28.06.2026).
- [9] Плиев Х. Город Малгобек Ингушетии был освобожден от фашистов 83 года назад // Ингушетия. 2026. URL: <https://gazetaingush.ru/gorod-malgobek-ingushetii-byt-osvobozhden-ot-fashistov-83-goda-nazad> (дата обращения 28.06.2026).
- [10] Коздоев Н.Д. Ингушское национальное движение в 1956-1973 гг. Нальчик, 2019. 312 с.
- [11] Прошкин И. Массовые беспорядки в Грозном в январе 1973 года: против чего восстали вайнахи // Русская семерка [Электронный ресурс]. URL: <https://russian7.ru/post/massovyebesporiadki-v-groznom-v-yanvar/> (дата обращения 28.06.2026).

References:

- [1] Vernadsky V.I. Living matter and biosphere. M.: Nauka, 2013. 526 pp.
- [2] Ponomareva E.G. Statehood // State. Evolution of statehood [Electronic Resource]. URL:

<http://polit-discourse.ru/articles/860> (date of contact 25.06.2026).

[3] Zhrebilo T.V. Dictionary of Linguistic Terms. Nazran: Pilgrim Publishing House, 2010. 486 pp.

[4] Omonova M.M. National identity - as a factor in preserving cultural traditions in a multinational society//XXI century: issues of science and education. 2024. № 2. S. 216-222.

[5] Denieva M.B., Dikieva P.E. "The Great Terror" in Chechen-Ingushetia in the second half of the 30s. XX century//Theory and practice of social development. 2014. № 20. S. 132-135.

[6] Shabelnikov D. Deportation of Chechens and Ingush through the eyes of witnesses//Arzamas. academy [Electronic resource]. URL: <https://arzamas.academy/mag/934-deportation> (date of contact 26.06.2026).

[7] Anchabadze G.Z. Vainakhi (Chechens and

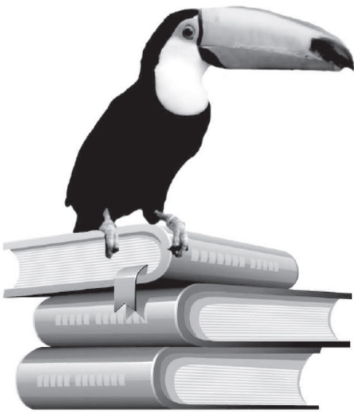
Ingush). Tbilisi, 2001. 92 pp.

[8] Deportation of Chechens//UPD on resettlement issues. URL: <https://pereselenie.e-dag.ru/activities/deportaciya-cecencev-12216> (дата обращения 28.06.2026).

[9] Pliev H. The city of Malgobek Ingushetia was liberated from the Nazis 83 years ago//Ingushetia. 2026. URL: <https://gazetaingush.ru/gorod-malgobek-ingushetii-byi-osvobozhden-ot-fashistov-83-goda-nazad> (дата обращения 28.06.2026).

[10] Kozdov N.D. Ingush national movement in 1956-1973. Nalchik, 2019. 312 s.

[11] Proshkin I. Riots in Grozny in January 1973: what the Vainakhs rebelled against//Russian Seven [Electronic Resource]. URL: <https://russian7.ru/post/massovye-besporiadki-v-groznom-v-yanvar/> (дата обращения 28.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.